

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 25 части 1 статьи 13
Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина
И.Н.Фролова

город Санкт-Петербург

26 мая 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой,
С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции
Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и
четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и
99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде
Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О
полиции».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
И.Н.Фролова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д.Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 25 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» полиция для выполнения возложенных на нее обязанностей имеет право обеспечивать безопасность и антитеррористическую защищенность, в том числе с применением технических средств, зданий, сооружений, помещений и иных объектов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, организаций и подразделений; требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах; осуществлять досмотр и (или) личный осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей, досмотр и (или) осмотр транспортных средств при въезде на охраняемые объекты и выезде с охраняемых объектов; при выявлении нарушений, создающих на охраняемых объектах угрозу безопасности граждан, в том числе проходящих службу (работающих) в органах внутренних дел, а также условий, способствующих хищениям имущества, принимать меры по пресечению указанных нарушений и ликвидации указанных условий; использовать для обнаружения и изъятия незаконно вносимых (выносимых), ввозимых (вывозимых) имущества, вещей, предметов и для фиксирования противоправных действий технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде.

1.1. Заявителю по настоящему делу – гражданину И.Н.Фролову, который, будучи адвокатом, оказывал юридическую помощь гражданам при проведении в их отношении следственных действий в ходе производства по уголовным делам, неоднократно (31 октября 2019 года, 29 января 2020 года и

28 февраля 2020 года) запрещался вход на территорию административных зданий Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Саратовской области (далее – ГУ МВД России по Саратовской области) с мобильным телефоном, обладающим функцией аудио- и видеофиксации, а также функцией выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». При этом запрет обосновывался пунктом 41 Инструкции о пропускном режиме в административных зданиях и на охраняемых объектах ГУ МВД России по Саратовской области и УМВД России по городу Саратову (далее – Инструкция), утвержденной приказом ГУ МВД России по Саратовской области от 3 апреля 2017 года № 502дсп.

И.Н.Фролов обратился в Кировский районный суд города Саратова с административным иском о признании недействительным запрета прохода на территорию административных зданий ГУ МВД России по Саратовской области с мобильным телефоном, способным осуществлять аудио- и видеофиксацию, о возложении обязанности не препятствовать ему в проходе к месту проведения следственных действий на территории административных зданий ГУ МВД России по Саратовской области с мобильным телефоном. Решением этого суда от 3 июня 2020 года заявителю отказано в удовлетворении его требований на том основании, что запрет на пронос средств связи, технических средств с функциями записи изображения и звука установлен пунктом 41 Инструкции, утвержденной в соответствии с оспариваемым законоположением уполномоченным органом внутренних дел в целях обеспечения режима секретности, безопасности и антитеррористической защищенности отделов полиции; установление указанного запрета Инструкцией с пометкой «Для служебного пользования» обусловлено наличием в ней сведений конфиденциального характера, что само по себе не может ограничивать прав участников уголовного судопроизводства, гарантированных федеральным законом, и тем самым не нарушает прав заявителя.

2 ноября 2020 года данный судебный акт был отменен апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Саратовского

областного суда; одновременно по делу принято новое решение – об удовлетворении требований административного истца. Принимая указанное решение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что соответствующий запрет установлен не федеральным законодательством, а Инструкцией с пометкой «Для служебного пользования», утвержденной ведомственным приказом и официально не опубликованной для всеобщего сведения.

Кассационным определением судебной коллегии по административным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2021 года апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Саратовского областного суда было отменено, а решение суда первой инстанции оставлено в силе. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2021 года, с которым согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 21 июня 2021 года), заявителю было отказано в передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению И.Н.Фролова, оспариваемое законоположение позволяет должностным лицам органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на основании не опубликованных для всеобщего сведения ведомственных правовых актов, изданных с пометкой «Для служебного пользования», запрещать адвокатам проход для оказания юридической помощи гражданам на территорию административных зданий МВД России с мобильными телефонами, имеющими функцию аудио- и видеофиксации, а также функцию выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», а потому оно не соответствует статьям 15 (часть 3), 35 (часть 2), 45 (часть 2) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению

жалобу на нарушение конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки их нарушения в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с участием гражданина, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый акт Конституции Российской Федерации. Он принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации И.Н.Фролов оспаривает пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в редакции, в которой он применялся судами, рассматривавшими его дело, без учета того, что Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» содержащиеся в нем слова «осмотр граждан» были заменены словами «личный осмотр граждан». Учитывая, что внесенные в оспариваемое законоположение коррективы не повлекли за собой его существенных – в контексте конкретного дела И.Н.Фролова – изменений, а предпринятые в отношении заявителя действия не были связаны с осмотром (личным осмотром) граждан, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным осуществить проверку конституционности оспариваемого законоположения в действующей редакции.

1.3. Таким образом, пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования должностными лицами полиции разрешается вопрос о возможности прохода адвоката в связи с оказанием в установленном федеральным законом порядке

юридической помощи в уголовном судопроизводстве в административные здания органов внутренних дел с мобильным телефоном, имеющим функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

2. Право на получение квалифицированной юридической помощи – наравне с другими правами и свободами человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых образуют фундаментальную обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и муниципальной власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Это возлагает на Российскую Федерацию как демократическое правовое государство, призванное во исполнение требований статей 1 (часть 1), 2, 19 (часть 1), 21 (часть 1), 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обеспечивать каждому полноценное обладание данным правом, конституционную ответственность за создание надлежащих условий гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления соответствующей деятельности без ущерба для их достоинства, чести и деловой репутации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 года № 18-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П, от 20 июля 2021 года № 38-П и др.).

Приведенные конституционные положения, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 18 Конституции Российской Федерации адресованы любым органам и должностным лицам публичной власти, а потому предполагают

соблюдение вытекающих из ее статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) требований необходимости, соразмерности и справедливости, предъявляемых к возможным ограничениям конституционных прав и свобод, в частности права на государственную защиту и оказание квалифицированной юридической помощи, и обращенных не только к федеральному законодателю, но и ко всем другим правоприменителям, в том числе судам.

3. В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (пункт 1 статьи 2), который при оказании квалифицированной юридической помощи, помимо прочего, вправе фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому он оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну (подпункт 6 пункта 3 статьи 6). Из этого с очевидностью следует, что федеральным законом не только не запрещено, а, напротив, прямо установлено право адвокатов в рамках оказания квалифицированной юридической помощи использовать технические средства (в том числе мобильный телефон), по крайней мере для фиксации информации, содержащейся в материалах дела, в связи с которым адвокат осуществляет оказание юридической помощи. Как следствие, этому праву корреспондирует обязанность органов публичной власти обеспечить такое право на основании и в порядке, установленных федеральным законодательством.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат, оказывая юридическую помощь, может участвовать в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях (подпункт 5 пункта 2 статьи 2). Полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по

делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации (пункт 1 статьи 6).

Такое законодательное регулирование, по сути, означает признание за адвокатом, оказывающим юридическую помощь по уголовным делам, принципиальной возможности использовать технические средства для фиксации (копирования) соответствующей информации в порядке, установленном федеральным законом, что применительно к уголовно-процессуальным отношениям конкретизируется, в частности, статьей 53 УПК Российской Федерации, непосредственно предусматривающей право адвоката фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, по окончании предварительного расследования (пункт 7 части первой).

Вместе с тем использование или неиспользование адвокатом технических средств не образует содержания его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи, в том числе в качестве защитника в уголовном процессе, не является содержательной частью права задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката и, следовательно, не может рассматриваться в качестве оказания или неоказания юридической помощи, оценки ее как квалифицированной или неквалифицированной. В равной мере использование или неиспользование адвокатом технических средств для снятия копий с материалов уголовного дела само по себе не может расцениваться как ограничение права на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 231-О-О и от 28 марта 2017 года № 542-О).

Соответственно, запрет прохода адвокатов в административные здания МВД Российской Федерации с техническими средствами (мобильными телефонами), имеющими функцию фото- и видеофиксации, а также функцию

выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», автоматически не влечет за собой непреодолимых препятствий для оказания ими квалифицированной юридической помощи и не лишает прибегающих к их услугам граждан гарантированного статьями 45 (часть 2) и 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

В то же время, поскольку такой запрет неизбежно ограничивает предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации возможности адвоката пользоваться техническими средствами для фиксации той или иной информации, содержащейся в материалах дела при оказании в установленном порядке юридической помощи, его применение – с учетом того что в качестве условий реализации соответствующего права выступает только необходимость соблюдения государственной и иной охраняемой законом тайны – может быть также основано только на конкретных положениях федерального закона. Иное ставило бы под сомнение положения Конституции Российской Федерации о верховенстве федеральных законов и обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 4, часть 2; статья 15, часть 2), чем фактически допускало бы правоограничивающее применение соответствующих федеральных законов.

4. Пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» закрепляет, среди прочего, право полиции обеспечивать безопасность и антитеррористическую защищенность, в том числе с применением технических средств, зданий, сооружений, помещений и иных объектов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, организаций и подразделений; требовать от

граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах; осуществлять досмотр и (или) личный осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей. При этом названный Федеральный закон императивно устанавливает, что любое ограничение полицией прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений и должностных лиц возможно только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом (часть 2 статьи 6), а порядок реализации прав, предоставленных полиции, если он не является предметом регулирования федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации или нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, определяется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел путем издания нормативного правового акта, в том числе совместно либо по согласованию с заинтересованными федеральными государственными органами (часть 3 статьи 13).

В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 года № 699) в единую централизованную систему МВД России входят органы внутренних дел, включающие в себя полицию, организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России (пункт 13), к числу которых относятся, в частности, территориальные органы МВД России (пункт 14).

Согласно утвержденному названным Указом Президента Российской Федерации Типовому положению о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации территориальными органами МВД России на региональном уровне являются министерства внутренних дел по республикам, главные управления, управления МВД России по иным субъектам Российской Федерации (далее также – территориальные органы) (пункт 2). Территориальный орган в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации,

общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, законами субъекта Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, принятыми в пределах его компетенции, нормативными правовыми актами МВД России, а также положением о территориальном органе (пункт 7). К полномочиям территориального органа, в частности, относится обеспечение безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел (подпункт 11 пункта 13). Территориальный орган возглавляет министр внутренних дел по республике либо начальник главного управления (управления) МВД России по иному субъекту Российской Федерации (пункт 15), который вправе издавать в пределах своей компетенции правовые акты по вопросам организации деятельности территориального органа, подчиненных органов и организаций (подпункт 20 пункта 19).

Таким образом, действующее правовое регулирование прямо наделяет руководителя территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации полномочиями по изданию – в пределах предоставленной компетенции – правовых актов по вопросам организации как деятельности возглавляемого им органа, так и деятельности подчиненных органов и организаций, в том числе в части, касающейся обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел. Однако реализация данного полномочия возможна лишь при условии неукоснительного соблюдения статей 4 (часть 2), 15 (часть 2) и 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации и корреспондирующей им части 1 статьи 6 Федерального закона «О полиции», в силу которых Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, а органы государственной власти, включая органы внутренних дел (полиции), обязаны соблюдать их

требования и осуществлять свою деятельность в точном соответствии с законом.

5. Из судебных актов, вынесенных по делу И.Н.Фролова, следует, что правомерность запрета ему прохода – несмотря на его статус адвоката и оказание в соответствии с федеральным законом в качестве защитника юридической помощи при производстве по уголовным делам – в административные здания ГУ МВД России по Саратовской области с мобильным телефоном, имеющим функции аудио- и видеозаписи, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», была мотивирована судами пунктом 41 Инструкции, согласно которому посетителям, прибывшим на объекты ГУ МВД России по Саратовской области, запрещается пронос технических средств записи изображения и звука, радиоприемных, радиопередающих устройств и средств связи, за исключением лиц, прибывших для ознакомления с материалами уголовных дел, проход которых с техническими средствами фото- и видеозаписи осуществляется по рапорту следователя (дознателя), утвержденному заместителем начальника ГУ МВД России по Саратовской области – начальником ГСУ или его заместителем, о чем в книгу регистрации посетителей вносится соответствующая отметка, с предупреждением посетителя и следователя (дознателя) о запрете использования технических средств в иных целях.

Принимая соответствующие решения, суды посчитали, что издание приказа ГУ МВД России по Саратовской области об утверждении Инструкции, направленной на установление на охраняемых органами внутренних дел объектах пропускного и внутриобъектового режимов, в полной мере согласуется с пунктом 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» и не повлекло за собой невозможности или ограничения реализации адвокатских прав, установленных статьей 53 УПК Российской Федерации. При этом суды дополнительно указали, что введение указанного запрета приказом ГУ МВД России по Саратовской области, изданным с пометкой «Для служебного пользования», отвечает требованиям

законодательства о защите государственной или иной охраняемой законом тайны, а потому не может рассматриваться как нарушение принципа открытости для общества деятельности полиции, а также как нарушение прав, свобод и законных интересов административного истца.

Между тем по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П, из статей 48, 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи вытекает, что федеральный законодатель при регулировании права на получение квалифицированной юридической помощи, относящегося к основным правам и свободам человека и гражданина, обязан именно в федеральном законе определить все важнейшие элементы данного права, включая условия и порядок его реализации, поскольку такое регулирование непосредственно затрагивает само существо оказания квалифицированной юридической помощи, а также поскольку оно связано с установлением пределов ее осуществления, т.е. с возможными ее ограничениями, и нахождением разумного баланса различных конституционных ценностей, конкурирующих прав и законных интересов.

Анализ Федерального закона «О полиции», равно как и иных федеральных законов, свидетельствует, что в системе действующего правового регулирования они – в отличие от части первой статьи 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», прямо запрещающей защитнику проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись, – не содержат каких-либо статей (норм), ограничивающих проход адвокатов, оказывающих юридическую помощь по уголовным делам, в занимаемые органами внутренних дел административные здания с соответствующими техническими средствами, в том числе с мобильными

телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Следовательно, в системе действующего правового регулирования оспариваемое законоположение не может служить основанием для установления должностными лицами полиции запрета прохода адвокатов, оказывающих в соответствии с федеральным законом юридическую помощь в уголовном судопроизводстве, в административные здания органов внутренних дел с мобильными телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», что не препятствует должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством определять возможность использования соответствующих функций телефона при производстве предварительного расследования.

Придание оспариваемому законоположению в системе действующего правового регулирования иного смысла, допускающего необоснованное воспрепятствование проходу адвокатов – вопреки их правомочиям, связанным с оказанием гражданам в установленном федеральным законом порядке юридической помощи по уголовным делам, – в административные здания органов внутренних дел с мобильными телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», приводило бы к произвольному, не имеющему законных оснований, ограничению конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, чем вступало бы в противоречие со статьями 15 (часть 2), 48 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не может служить основанием для запрета должностными лицами полиции прохода адвокатов в связи с оказанием в установленном федеральным законом порядке юридической помощи в уголовном судопроизводстве в административные здания органов внутренних дел с мобильным телефоном, имеющим функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», что не препятствует должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством определять возможность использования соответствующих функций телефона при производстве предварительного расследования.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные по делу гражданина Фролова Ивана Николаевича на основании пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 21-П